

ОЛЬГА КУЦЕНКО,

доктор социологических наук, заведующая кафедрой политической социологии и социологической лаборатории Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина

Украина в трансформационных процессах: Quo vadis?¹

Abstract

The analysis of the major societal trends and outcomes of Ukrainian post-Socialist development is provided in the article. The author's focus is directed towards revealing of interconnection between the market shifts, changes of social mood, consciousness and structure, institutional quality and political accountability. The social dynamics during the post-Socialist epoch, from reversing displacement in social and political institutional matter at the end of 1990s towards explosion of social expectations at the line of 2004-2005 and the following mass disappointment which accompanies the increasing contemporary political deregulation is considered from the point of view of search for answers regarding the perspective features of Ukrainian development.

В последние два года Украина оказалась в фокусе интереса не только своих граждан, но и многих других, живущих далеко за ее пределами. События “оранжевой революции” привлекли внимание телеаудиторий разных стран необычным политическим спектаклем: газовая, а затем молочная “войны” с Россией конца 2005 — начала 2006 годов, многомесячные переговоры (с элементами трагикомизма) по созданию парламентской коалиции и формированию правительства после парламентских выборов 2006 года... Является ли все это свидетельством вспышки демократии как “сверхновой звезды” на потускневшем небосклоне традиционной европейской политики? Можно ли говорить о “восстании” бизнес-элит и нового среднего класса

---

¹ Статья подготовлена при поддержке журнала “The Analyst. Central East European review”, публикуемого The Global Knowledge Foundation.

в условиях нового витка в развитии капитализма? Или же речь идет о виртуализации социальной реальности, ее замещении эрзац-формами?... В статье предлагаются размышления по поводу факторов и путей трансформационного процесса в Украине в контексте того прошлого и настоящего, которое неумолимо ограничивает возможности выбора будущего развития обществ.

Реверсивные сдвиги на пути от хаоса к порядку

Понять современные общественные процессы в Украине невозможно без обращения, по крайней мере, к ближайшей предыстории, связанной с особенностями трансформационного развития страны, которые привели к “оранжевой революции” и специфике последующих событий. Уникальность исторической ситуации возвращения к капитализму, системный отказ от тотального контроля в условиях распадающейся советской империи и ощущение открывающейся свободы рождали исторический оптимизм, эйфорию по поводу успеха будущих демократических и рыночных преобразований, что наблюдалось не только в Украине и России, но и во многих других постсоциалистических странах на ранних этапах трансформации.

Однако уже в первые годы постсоциалистического развития под влиянием глубокого экономического кризиса, падения уровня и качества жизни, неоправдывающихся надежд на быстрый рост благосостояния всем постсоциалистическим странам довелось пережить массовое разочарование, разрушение веры в идеалы, резкие сдвиги в социальных и политических настроениях. Макроэкономический и социальный шок, по-видимому, был неизбежным результатом институциональных сдвигов экономик и резких структурных изменений в обществах. Вместе с тем, глубина, продолжительность и разрушительные последствия шока оказались для разных стран, в том числе и для Украины, разными. Если в результате катастрофного развития Украина потеряла примерно 60% объема производства по сравнению с 1989 годом и пик падения пришелся на 1998-й, а Россия — 45% (пик падения — 1998-й), то объем произведенного валового внутреннего продукта в Польше снизился максимум на 18% (пик падения — 1991-й), а в Чехии — на 13% (пик падения — 1993-й)¹.

Украина стала “рекордсменом” в падении не только объемов ВВП, но и деиндустриализации и сокращения занятости в промышленности². Экономическое падение сопровождалось резким ростом социальных неравенств, поляризацией населения по доходам и экономическим возможностям в целом. Причем масштабы поляризации также различались в разных странах. Если уровень неравенства в доходах, измеренный коэффициентом Джинни, в Украине к середине 1990-х годов увеличился почти в два раза (по сравнению с уровнем конца 1980-х) и достиг 47–48 единиц (как и в России), то, к примеру, в Чехии, Венгрии и Польше размах социальной дифференциации

¹ Расчеты см.: [1, с. 108].

² Показатели занятости в промышленности максимально снизилась в 2001 году — более чем на 50% к уровню 1989 года, после чего стал наблюдаться некоторый рост индустриального сектора — (см.: [2]).

проявился отнюдь не столь масштабно, увеличившись всего на 2–7 единиц¹ [3, с. 41], поскольку там относительно выравниванию доходов способствовало то, что государство, в отличие от украинского, не самоустранилось от регулирования процессов преобразований, направленного на снижение социальной цены реформ. В Украине же, как и в России, стабилизационные программы начали принимать только тогда, когда социально-экономический кризис приобрел все признаки катастрофы.

Кроме того, отсутствие стратегии экономического реформирования привело к резкому усилению асимметрии регионального развития в масштабах страны. Если в 1990 году соотношение максимального показателя валового регионального продукта, произведенного на душу населения в отдельных регионах Украины (ВРП), к минимальному показателю составляло 159%, то уже в 1996 году эта разница возросла до 268%, превысив различия 1990 года в 1,7 раза. Но особенно поражают результаты 2004-го года — 658%, то есть межрегиональные различия в два с половиной раза большие, чем в 1996 году. По отношению к среднеукраинскому душевому ВРП этот показатель по г. Киеву был в 1996-м в 1,4 раза выше, а в 2004-м — уже в 3,2 раза [5]. Резкие межрегиональные социально-экономические неравенства расшатывали и продолжают дестабилизировать общество, усиливают политическую и социальную фрагментацию, являются серьезной угрозой целостности страны. Взрыв этих противоречий и их использование в политических целях мы наблюдали в период “оранжевой революции” в действиях, направленных на суверенизацию Восточного и Южного регионов Украины и инициированных в то время представителями Партии регионов, лидером которой являлся В. Янукович.

С 1992 года в Украине началась приватизация малых и крупных предприятий путем открытых тендеров, а с 1995-го по 1999-й развернулся процесс массовой ваучерной приватизации. Приватизация стимулировала частную инициативу и стала одним из важных факторов выхода страны к концу 1990-х годов из глубокого системного кризиса. Однако в результате широкомасштабной ваучерной приватизации миллионы граждан Украины, вопреки ожиданиям, не стали реальными собственниками². Неденежная приватизация вела к приобретению собственности инсайдерами, что влекло за собой медленный рост спроса на институциональные рыночные реформы. В свою очередь, отсутствие развитых рыночных институтов приводило к тому, что сделки на вторичном рынке стимулировали концентрацию собственности в руках небольшого числа собственников, обладающих политическими связями [7, с. 17]. На этой основе очень быстро формировались “пе-

---

¹ Одним из симптомов резкой поляризации является количество миллиардеров в Украине при довольно скромном уровне ВВП на душу населения. Если верить недавно обнародованным данным исследования журнала “Корреспондент”, газеты “Kyiv Post” и инвестиционной компании “Dragon Capital”, в 2006 году восемь человек, состояния которых в долларах США выражаются цифрами с не менее чем девятью нулями, для Украины, занимающей 108-е место в мире по ВВП на душу населения, — отнюдь не среднеевропейский показатель (см.: [4]).

² Так, в Украине 19 млн акционеров стали собственниками лишь номинально, даже не оформив право собственности на приобретенные акции (подр. см.: [6]).

пераспределительные коалиции” (термин М.Олсона¹), кристаллизация которых приводила к экономическому доминированию нескольких крупных бизнес-политических групп олигархического характера.

На этом фоне в Украине уже с конца 1993 года стали быстро распространяться массовые апокалипсические настроения², аномия [9], происходило глубокое отчуждение общества от государства и власти, что “развязывало руки” перераспределительным коалициям, объединенным частными интересами, и стимулировало процессы “state capture” [10] — или “захвата” такими коалициями государственной собственности через установление базовых правил игры посредством взяток чиновникам и политикам. Через проникновение бизнеса в политику, сращивание их на основе рекомбинантных стратегий в условиях неоднозначности ресурсов и “захвата государства” в процессе приватизации происходило не только формирование новых классов крупных собственников, средних и мелких предпринимателей, но и укрепление и воспроизводство высокостатусных социальных позиций представителей бывшей номенклатурной бюрократии и их социальных сетей. В отношении Украины вполне можно делать радикальный вывод о том, что на протяжении 1990-х годов здесь произошла *новая неономенклатурная революция*, в результате которой политический и социальный капиталы бывшей номенклатуры были конвертированы в экономический капитал, а последний смог укрепиться за счет проникновения в политику.

С точки зрения неолиберальной версии демократизации и рыночного перехода, которую в начале 1990-х настойчиво навязывали западные советники, формирующиеся институты рынка и демократии должны были, ограничивая воспроизводство традиционных для советского режима отношений, привести к разделению власти и собственности, или бизнеса, политики и администрирования. Однако ограничения и разделения не произошло. И прежде всего потому, что формально-процессуальная демократия и рынок, сложившиеся к концу 1990-х годов в Украине как результат слабых реформ, не стали продуктом специфической культуры и исторической эволюции гражданского общества, отстаивающего свои интересы и притязания на свободу и собственность, частную жизнь и самоорганизованную коллективность и создающего соответствующие механизмы их обеспечения. Лишь недолгое время — в самом начале 1990-х — в Украине наблюдался всплеск гражданской заинтересованности и доверия к институтам власти и демократии со стороны граждан. Но уже с 1993 года — и что на первый взгляд парадоксально, в период активного утверждения процессуальных форм демократии — происходит резкое падение этих показателей. Согласно данным ежегодного национального мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины, с 1994 года индекс доверия граждан Украины к ведущим институтам демократии и политическим институтам государства (Президенту, парламенту, правительству) определился на уровне 2,1–2,3

¹ М.Олсон в работе “Логика коллективного действия” показал, что “перераспределительные коалиции” — относительно узкие группы людей, объединенные частными интересами, — в большей мере способны к самоорганизации, чем широкие аморфные группы, объединенные общими интересами [8].

² Такие настроения, согласно опросам общественного мнения, доминировали вплоть до конца 1990-х и с максимальной силой проявились в 1994–1998 годах.

балла (при значениях 5 — “полностью доверяют”, 1 — “совершенно не доверяют”) с незначительными колебаниями в последующие годы вплоть до середины 2004 года [11, с. 30]¹.

Интересы и устремления элит и формирующегося нового правящего политико-экономического класса, скрывавшиеся за риторикой демократии, были направлены на обеспечение собственной гегемонии в системе власти и собственности. Именно они устанавливали правила игры, позволяющие контролировать важнейшие позиции в политическом поле и использовать государство и механизмы коррупции для захвата бывшей государственной собственности. Система извлечения ренты, *укорененная в коррупции* и усиливающаяся с ростом структурных диспропорций, подавляла и подавляет рынки, деятельность частных предприятий и устремления к демократии. Те группы, которые получают ренту от таких диспропорций, оказываются заинтересованными в дальнейшем сохранении ее источников и, соответственно, в препятствовании рыночным и демократическим реформам. В устанавливаемых правилах многое наследовалось от типичных форм взаимодействия, характерных для позднего советского общества; при этом правила становились все более жесткими и циничными.

Формирующиеся мощные союзы крупных промышленников, предпринимателей, банкиров и постноменклатурной управленческой элиты, контролирующие, в том числе, и медиа-ресурсы, были заинтересованы в воспроизводстве авторитарной политической системы. Распределение (захват) собственности должно было происходить быстро и эффективно, вне конкуренции с мощными транснациональными корпорациями; последнее могло обеспечить только жесткая авторитарно-патронажная система. К примеру, Украина была просто поставлена перед фактом приватизации крупнейших рудодобывающих и перерабатывающих предприятий “Укррудпрома”; никаких дискуссий по этому поводу не проводилось.

В то же время попытки модернизации политической системы, которые предпринимались представителями национальной политической элиты в первой половине 1990-х годов, а затем начиная с 1998 и в начале 2000-х годов, не учитывали потребности финансово-промышленных групп в патронаже и контроле. Это подталкивало данные группы к поддержке антидемократических и антирыночных лозунгов. Не случайно первой политической силой, вокруг которой сплотился ряд украинских финансово-промышленных групп, стала Коммунистическая партия Украины.

Политическая борьба за господство, за возможность политически и административно контролировать конкуренцию на экономическом рынке, в том числе приватизацию оставшихся стратегических объектов государственной собственности, а вместе с тем контролировать лояльность граждан приобретала все более жесткие формы в украинском обществе.

---

¹ Справедливости ради надо отметить, что все посткоммунистические общества отличались *низким уровнем доверия* в публичной сфере жизни. В течение долгих лет советского общества безоговорочное доверие к системе навязывалось сверху, поддерживалось тотальным контролем лояльности, что не могло не травмировать личность, а точнее — ее *качество гражданственности*. С разрушением основ *институционализированного доверия* она обернулась своей противоположностью.

Сильная зависимость институциональных изменений, с одной стороны, от интересов мощных финансово-промышленных, бизнес-политических групп, а с другой — от укорененных в прошлом стереотипов, установок и правил жизни не могла не изгибать “временную стрелу” демократизации и развития рынка, неизбежно вызывая инверсионные смещения *к устойчивому воспроизводству авторитарно-патерналистских отношений в политике и экономической системе.*

Неэффективность институтов становилась все более очевидной (что, в частности, обобщенно отражено в показателях доли ВВП на душу населения, доли неформальной экономики в ВВП, уровня политической стабильности, эффективности правительства, продолжительности жизни и пр. — см. табл. 1). Из 19 стран Центральной и Восточной Европы в 2005 году Украина, будучи наиболее многочисленной по населению страной, вместе с тем оставалась одной из самых бедных (на уровне Албании; более низкий уровень дохода на душу населения был только в Боснии и Герцеговине, Сербии и Молдове). Крайне низкими показателями характеризовалась эффективность государственного управления, качество регулирования бизнес-среды, ориентация на верховенство закона (см. табл. 2).

Таблица 1

**Качество национальных институтов:
сравнение Украины и России, 2002–2005**

Страны	Население (млн)	Категория страны по доходу	Валовый национальный индекс на душу (GNI per capita)	Доля неформальной экономики (% ВВП)	Политическая стабильность, 2004	Эффективность правительства, 2004	Изменение продолжительности жизни (1989–2002)
Украина	47,2	Нижняя средняя	1,260	52,2	37,9	28,4	-0,59 год / -0,86 %
Россия	143,0	Высшая средняя	3,410	46,1	21,8	48,1	-3,57 год / -5,16 %

Источники: [12; 13].

Таблица 2

Различия между странами в осуществлении экономических реформ

Страны	Прогресс в осуществлении реформ	Политическая и бизнес-среда		
	World Bank, 1996	Эффективность правительства	Качество государственного регулирования	Верховенство закона
Украина	Четвертая группа (наиболее медленные реформы)	-0,74	-0,62	-0,79
Россия	Третья группа (“отстающие”)	-0,40	-0,30	-0,78
Венгрия	Первая группа (“продвинутая”)	0,78	1,21	0,90

Источник: [13; 14]

На этом фоне в широких слоях общества накапливалась глубокая неудовлетворенность существующей системой и потребность в ее изменении, а в обширной социальной среде, фактически отчужденной от ресурсов собственности и влияния, усиливался потенциал негативной социальной мобилизации и протеста (см. табл. 3).

Таблица 3

**Потенциал протеста граждан Украины
в случае нарушения прав и интересов граждан, 1994–2005**
(множественные, в % к опрошенным, N = 1800–1810 в каждый год опроса*)

Показатели потенциала протеста	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2004	2005
Установки на участие в политических партиях	0,7	0,6	0,5	0,4	0,9	1,5	0,8	1,7	2,2	1,9	2,5
Индекс потенциала конвенционального протеста **	16,4	15,9	13,9	12,1	18,2	20,2	19,1	22,3	17,4	20,5	27,5
Индекс потенциала неконвенционального протеста **	2,9	3,1	3,1	2,9	4,3	3,9	3,7	4,6	2,7	2,2	4,0
<i>Ни одна из форм социального протеста не привлекает</i>	31,9	36,9	33,5	37,3	29,8	29,9	34,2	30,3	37,1	36,6	25,2
Индекс дестабилизационности протестного потенциала (ИДПП)***	3,2	3,2	3,0	2,9	4,2	4,0	3,7	4,6	3,0	2,6	4,6

* В мониторинг ИС НАНУ, проведенный в 2003 году, вопросы по установкам на протестное поведение не были включены.

** Индексы конвенционального и неконвенционального протеста нами рассчитаны как средние значения относительных показателей (максимальное значение 100%) по соответствующим формам протеста за год.

*** по результатам экспертного опроса (показатель введен Н.Паниной)

Источник: [11, с.40].

В таких условиях происходила не только активная борьба за влияние, собственность и формирование экономических капиталов, но и активный “поиск своего места” в “отчужденной” и ресурсно слабой социальной среде, для представителей которой ресурсы экономической собственности и политической власти оставались практически недоступными, а имеющиеся ресурсы знания и квалификации, ресурсы социальных сетей — недостаточными. Важным изменением стало то, что на протяжении 1990-х годов в

Украине (как, впрочем, и в других трансформирующихся обществах) особую роль стал приобретать ресурс высокого образования, знания, профессиональной компетенции, использование которого, хотя и медленно, но становится самодостаточным в продвижении к высокостатусным социальным позициям. Исследования польского и украинского обществ, проведенные М. Коном, К. Сломчиньским, В. Хмелько, В. Паниотто и их коллегами еще в первой половине 1990-х годов, убедительно показывают зависимость принятия либо отвержения системных изменений обществ от классообразующих факторов экономического успеха, профессиональной самостоятельности и образованности, наряду с чем влияние социально-демографических факторов, гендера и, особенно, возраста выглядит заметно более слабым [15]. Аналогичные результаты были получены и в исследовании украинского общества, проведенном в начале 2000-х годов [16, с. 194–220].

Нарастающее противостояние между социальными и политико-экономическими силами, откровенный цинизм в действиях власти, высокие ожидания граждан по поводу результатов президентской кампании 2004 года, которые оказывались под угрозой неудовлетворения, привели в конце концов к социальному взрыву, означавшему, в том числе, преодоление общественной неверия в собственные силы. По данным мониторинга, проведенного в январе 2005 года Институтом социологии НАН Украины, 33% опрошенных украинцев полагали, что политической активностью граждан во время “оранжевой революции” двигал, прежде всего, протест против власти — “сознательная борьба граждан, объединившихся в защиту своих прав” [17, с. 149].

В Украине, как и в России, к началу 2000-х годов четко обозначился **перелом в общественной динамике** [18; 19 и др.], связанный с институциональным, структурным и ментальным приспособлением обществ к проникновению рынка, формальных институтов демократии и соответствующих систем ценностей. Исследования, проведенные в последние годы в России и Украине, показывают то, что *трансформация данных обществ, по сути, состоялась*, прежде всего как уход от монистической административно-командной системы отношений, как *преодоление хаотической динамики фазы перехода и появление новых структурных, культурных и деятельностных определенностей, приближающих данные общества к характеристикам обществ, основанных на рыночных отношениях*. Вместе с тем трансформационные процессы в России и Украине только вошли в продвинутую фазу развития, в ходе которой еще сохраняются некоторые “коридоры” выбора между принципами свободного рынка и демократии и симбиотическими вариантами альтернативных общественных систем. Возникающие в результате трансформации общества все еще носят неустойчивый “посткоммунистический” характер, их активное движение продолжается, но уже на новых фазах согласования, стабилизации, консолидации институтов и практик, которые проявили себя как наиболее успешные в новых общественных условиях. Важным результатом стало то, что *общества Украины и России из этих бурных процессов преобразований вышли разными, утверждая собственные формы общественных отношений и несовпадающие “коридоры” дальнейшего развития*.

Мифы и разочарования “оранжевой революции”

Как известно, в современной социальной теории популярными являются несколько школ в интерпретации того, что есть современная революция и каким образом она происходит. Среди этих школ можно вспомнить: *бихевиористское объяснение* (репрессии, подавление базовых инстинктов большинства населения создают мощное давление “низов”, разрушительные эффекты которого власть неспособна предотвратить), *психологические* теории относительной депривации (массовое осознание пропасти между ценностными ожиданиями и возможностями — революция как “пробуждение надежд”), *структурные* объяснения в контексте классовых и этнонациональных конфликтов, наконец, *политические* теории (революция как эффективное действие политических оппонентов и харизматических лидеров, способных мобилизовать массы). Так или иначе, феномен революции включает в себя разнообразные процессы, которые содержат в себе больше загадок, чем ответов на них. Так, совершенно непонятным является ответ на вопрос: каким должен стать порог массового недовольства (коррупцией, неэффективностью государства и экономики, качеством жизни и т. п.), чтобы перерасти в бунт и/или революционные действия. Что может подтолкнуть политическую мобилизацию ранее “молчаливого большинства”, какова эта “точка кипения”? До каких пределов и в каких условиях может быть эффективным давление внешних сил; каковы пределы национального достоинства? Где грань между реальностью событий и воображаемым, транслируемым СМИ; насколько глубоко на реальную жизнь может повлиять сценически-режиссерский характер транслируемых событий (что было ярко видно на примере “оранжевой революции” как “народного праздника Майдана”)? И такие вопросы можно продолжать.

Безусловным, пожалуй, является только то, что любые революции несут в себе собственную ***иронию***: на волне массовой эйфории ожиданий чуда создаются героические мифы (“народного президента”, “оранжевых идеалов”, “власти Майдана” и т. п.), легитимирующие действия, направленные на смещение существующей власти и маскирующие экономические интересы главных игроков. Однако революционный пыл проходит, в постреволюционном хаосе удовлетворение базовых потребностей масс неизбежно ухудшается, чуда не происходит, становятся очевидными побочные негативные эффекты изменений, начинается “охота на ведьм”. Все это неизбежно ведет если не к наступлению “часа тиранов и деспотов”, то к разрушению революционных идеалов.

Данная логика развития событий ярко прослеживается в украинском обществе после “оранжевой революции”. И не столь важно, будем мы называть события “оранжевой революцией” либо чем-то иным, не имеющим к феномену революции прямого отношения, главное — разобраться в том, как эти события повлияли (или не повлияли) на последующий общественный процесс.

Несмотря на серьезные трудности и проблемы демократического развития Украины в “постреволюционный” период, можно вполне обоснованно утверждать, что события “оранжевой революции” стали точкой перелома для украинского общества, после прохождения которой общество стало другим. Общество поверило в собственные силы, произошел взрыв гражданской

идентичности, национального самосознания, политической мобилизации и структурирования.

На протяжении относительно долгих лет, после распада СССР, многие граждане Украины ощущали себя в роли “людей на перепутье”; неустойчивой и амбивалентной была гражданская идентичность. По данным общенационального опроса, в 1994 году 47% украинцев утверждали, что высказались бы против независимости Украины, если бы им вновь пришлось участвовать в референдуме по вопросу государственной независимости, и лишь 24% готовы были вновь поддержать суверенитет Украины [20, с. 3]. Подобная ситуация сохранялась вплоть до 2003 года. Однако с конца 2004-го мы видим совершенно другую картину: если по данным мониторинга Института социологии НАНУ в 2001 году 35% опрошенных заявляли о том, что они, прежде всего, считают себя гражданами Украины, то в 2005-м о своей гражданской идентификации с Украиной уже говорили 55% опрошенных. 79% украинцев в 2005 году заявили о том, что если бы у них была возможность выбора, они выбрали бы Украину своей родиной [17, с. 72, 149], что стало беспрецедентным результатом проявления национального самосознания на протяжении всех 15 лет государственной независимости.

В 2005 году в опросах впервые за четырнадцать-пятнадцать лет большинство граждан назвали украинское государство действительно независимым. Такое восприятие получило подтверждение и в оценках, опубликованных в 2006 году *Freedom House*, когда впервые Украина была определена как “свободная страна” [21].

Украина вновь, через 10–15 лет, возвращается к практике нацистроительства, с чем связана пикантность ситуации. В отличие от начала 1990-х годов, когда на основе этой идеи правящая в то время элита пыталась осуществить консолидацию общества и рыночно-демократический транзит, однако идея не подкреплялась социально-культурной “тканью” общества, его духовными, экономическими и политическими возможностями, то в середине 2000-х эта идея поддерживается как консолидирующимися кругами национальной элиты, так и активностью гражданского общества, которое выросло в процессе рыночных трансформаций и социально-структурных изменений, для которого ценности самореализации и “жизни по правилам” стали значимыми. К украинскому обществу пришло понимание того, что “мы” как граждане Украины — достаточно разные и в то же время достаточно одинаковые и близкие друг другу, чтобы жить в одной стране. Пришло также понимание того, что если мы хотим быть “мы”, то с этим в обществе есть серьезные проблемы, укорененные в культуре, ее прошлом и настоящем [22]. В результате событий “оранжевой революции” в обществе четко проявился *неклассический идеологический раскол*, разделивший общество на две почти равные части, имеющий выраженные территориальные и в меньшей степени — поколенческие границы. Своеобразным “знаком” раскола стала поддержка либо неподдержка событий “оранжевой революции” и олицетворяющих ее политических сил. Этот раскол определяет серьезные риски для общества. Наряду с этим осознание данных процессов стало свидетельством принципиального сдвига в украинском обществе, который коснулся не столько сферы политико-экономических, сколько гражданских, духовных и политико-культурных отношений.

События “оранжевой революции”, отбросив однозначность набравшего силу нового авторитарно-политического режима, открыли шанс для либерализации режима в Украине, однако — только шанс. Движение общества и политической системы по “лезвию бритвы”, в условиях жесткой политической борьбы и массового “постреволюционного” разочарования продолжилось.

И в этом движении на протяжении 2005 года существенную негативную роль сыграла некомпетентность действий новой власти, ее стремление популистскими решениями и масштабными кадровыми перемнами моментально решить глубоко запущенные проблемы экономики и общества. Но экономические и политические решения оказались не совместимыми с революционным спектаклем. Повторю, чуда не произошло. Более того, в результате крайне популистских действий правительства Ю.Тимошенко государство оказалось на грани нового экономического кризиса. За “революционным” переделом собственности и сфер влияния, кадрового состава, ценовой популистской политикой, отказом от принятых ранее нормативных актов, регулирующих налогообложение в так называемых свободных экономических зонах, экстремистскими действиями в отношении с Россией и пр. замячила реальная угроза банкротства государства. “Революционные идеалы” стали рождаться в фарс; а фарс неизбежно вызывает “раскачивание”, энтропизацию общества и стремление преодолеть подобное развитие событий.

Общество очень остро отреагировало на данные процессы изменением массовых настроений и политических предпочтений. Уже с августа–сентября 2005 года началось существенное падение доверия граждан к политическим лидерам, олицетворявшим “оранжевую коалицию” — и прежде всего к В.Ющенко и Ю.Тимошенко. На этом фоне стал происходить рост доверия в недавнем прошлом политической оппозиции во главе с Партией регионов и ее лидером — В.Януковичем. Если, по данным мониторинга Института социологии НАНУ, весной 2005 года 41% украинцев утверждали, что они *“поддерживали тогда и поддерживают сейчас лидеров Оранжевой революции”*, то к весне 2006 года таких сторонников осталось только 29%. В то же время, с 27% до 39% возросла доля тех, кто утверждал, что *“не поддерживал и не поддерживает лидеров Оранжевой революции”*. Если вследствие “оранжевой революции” в 2005 году 32% граждан ощущали себя “в выигрыше” и 12% “в проигрыше”, то в 2006 году картина поменялась на противоположную: 16% против 35% [10, с. 85].

Опросы общественного мнения, проводимые в период парламентской избирательной кампании 2006 года, убедительно показывали глубокое разочарование общества в действующей “новой” власти, и в первую очередь в ее профессионализме, честности и ответственности. Причем разочарование не только в среде противников, но и в среде ее в недавнем прошлом сторонников. Парадокс заключался в том, что политическое структурирование общества и политической элиты в целом произошло, ожидать появления “новых героев” не приходилось, и кто бы ни пришел к власти в результате новых парламентских выборов, вынужден был бы формировать “широкую” коалицию. *В такой ситуации фактически оказывалось неважным, какая политическая сила наберет больше голосов по итогам выборов в конце марта 2006 года. Более важным становилась способность найти компромиссы и создать коалицию.*

Романтические революционные идеалы уступили место жесткому прагматизму — не только в среде политических элит, но и в обществе. С новыми

парламентскими выборами 2006 года народ вновь связал свои надежды, но замешанные на вполне прагматической почве. Вновь на первый план политического процесса стали выходить интересы крупных финансово-промышленных, бизнес-политических групп. Негативная политическая и экономическая конъюнктура, сложившаяся на протяжении 2005 года, неспособность и/или нежелание новой власти вести конструктивный диалог с крупным бизнесом, в значительной мере оказавшимся в “проигрыше” по результатам “оранжевой революции” и последующей политики правительства Ю.Тимошенко, подтолкнули финансово-промышленные группы не только вновь значительно активизировать свою политическую деятельность, но и стать основными игроками на парламентских выборах марта 2006 года. Незавершенная революция получила свое продолжение, но, как и полагается, согласно опыту истории, — в форме иронии или фарса.

Избранный в 2006 году состав парламента создал коллизию патовой ситуации, в которой парламентского большинства по определению быть не могло. Но парламентское большинство должно было быть сформировано, чтобы парламент и правительство могли работать, а бизнес отыгрывать свои капиталы, вложенные в политический процесс. Коалиции становились неизбежными. И при любой коалиции неизбежно было включение “оппонентов” (конкурентов). Принципиальным становился вопрос о том, каковы риски парламентских конфигураций? И риски для целостности и благополучия *кого*? Для пришедшей к власти неконсенсусной политической группы в прошлом “оранжевого блока политических сил”? Для крупного бизнеса, фасадом которого стали новые политические “оппоненты”? Для внешнеполитических игроков? Для общества и государства в целом? Все это — разные ракурсы проблемы, которые отнюдь не совпадают и многократно усложняют политический выбор.

Учитывая структуру политических сил, их конфигурация в новом парламенте могла определяться не столько совместимостью партийных политических идеологий и убеждений (которые являются более или менее выраженными только у СПУ и КПУ), сколько интересами бизнес-структур, поддерживающих эти политические силы и продолжающих битву за ресурсы¹. Это стало одной из причин длительного политического спектакля под названием “*формирование парламентской коалиции*”, приобретшего форму фарса в стенах украинского парламента в 2006 году. Но в этом проявился еще один парадокс украинского политического процесса: результатом длительной внутрипарламентской игры по формированию коалиции с привлечением мощных бизнес-политических интересов стало возвращение status quo, по крайней мере *de jure*, результатов волеизъявления граждан на выбо-

¹ Как отмечают, в частности, журналисты “Корреспондента”, “сегодня уже становится очевидным, что крупнейший в Украине холдинг System Capital Management, принадлежащий украинскому миллиардеру Ринату Ахметову, активно поддерживающему Партию регионов и ее лидера (и вновь премьер-министра), намерен взяться за разрушение монополии RosUkrEnergo на поставку газа на украинском рынке, за приватизацию крупнейшего телекоммуникационного предприятия “Укртелекома”, ревизию и концентрацию в сфере черной металлургии. “Газпром” нацелился на скупку химической промышленности. Кто-то нацелился на газовые и нефтяные скважины, кто-то на бюджет и все — на землю” [23].

рах в марте 2006 года: именно те политические силы, которые получили наибольшую поддержку на выборах, заняли альтернативные позиции: власти (Партия регионов) и потенциальной оппозиции (Блок Юлии Тимошенко). Всем остальным политическим силам в парламенте остается роль необходимых, но вспомогательных игроков в законодательном и исполнительном процессах украинской политики.

С попытками формирования в Украине парламентской коалиции пройден еще один урок демократии — переговоров, но осуществленный (и это неизбежно) в русле игры крупных экономико-политических интересов и воспроизводимых коррупционных правил. Однако со времен Йохана Хейзинги, его работы “*Homo Ludens*”, известно, что проигрывание даже невозможных ситуаций рождает новые привычки и правила, в чем и состоит парадокс игры. В этой игре произошло рождение намека на перспективу солидаризации общества на основе национальной и гражданской идентификации, создания политического “моста” между “левым” и “правым” берегами Украины. Намек этот, однако, также легко и забыть в хаотизации социально-политической динамики, обострившейся осенью 2006 года. Вместе с тем представляется, что кое-что принципиальное в развитии украинского общества произошло, что стало играть роль аттрактора, подталкивающего общество изнутри к выборам, ориентированным на приспособление к правилам рыночной игры и соответствующих социальных и политических отношений. И об этом заставляет задуматься, прежде всего, экономическая статистика.

Перспективы развития или тупика? — Вместо заключения

Несмотря на перманентный политический и правительственный кризис, развивающийся волнами с конца 2004 года по настоящее время, несмотря на то, что в действиях правительства Украины (все так же, как это было на протяжении всех 15 лет независимости) до сих пор не просматриваются системные подходы к экономической политике, украинская экономика продолжает демонстрировать заметный рост. Данный рост начался с рубежа 1999–2000 годов, к 2004-му году достиг более 12% ежегодного прироста реального ВВП и после резкого спада в первой половине 2005 года в последующий период вновь приобрел значительные темпы и сохраняет их вплоть до настоящего времени. На протяжении 2006 года произошли явные позитивные макроэкономические структурные сдвиги, среди которых: (а) более чем двукратный рост темпов инвестиций в основной капитал (12,2%) сравнительно с ростом ВВП; (б) позитивные изменения пропорций, характеризующих финансовые поступления в государственный бюджет; (в) сохранение (до ноября 2006 года) самого низкого среди стран СНГ уровня инфляции (3,8%) при высоких темпах роста реальных доходов населения (20,0%), в том числе реальной заработной платы (22,9%); (г) опережающие сравнительно с ростом ВВП темпы роста оптовой и розничной торговли, что было нетипичным для предыдущих лет (хотя речь идет об одном из базовых индикаторов деловой активности в экономике) [2; 24].

Данные структурные сдвиги подкрепляются и усиливаются ценностными сдвигами в структуре сознания украинских граждан. Один из признаков такого сдвига можно обнаружить в данных исследования, проведенного Центром имени А.Разумкова. Гражданам предлагали вопрос “Что является приоритетным в ситуации ограниченных бюджетных средств в Украине?” и

два варианта ответа: (1) поддержка государством малообеспеченных и нетрудоспособных граждан путем увеличения социальной помощи, выплат субсидий и др. vs (2) поддержка государством трудоспособных граждан путем повышения зарплат, создания рабочих мест, содействия малому и среднему бизнесу. Если в конце 2003 года 64% опрошенных предпочли первый вариант, а 33% — второй, в конце 2004-го соотношение составило 48% и 33%, то в декабре 2005 года соотношение ответов изменилось противоположно первому: 33% за первый вариант и 64% за второй [22]. То есть почти две трети граждан страны предпочитают получать от государства не социальные выплаты, а хорошую работу. Это — важное свидетельство вполне европейской установки на свои силы и самостоятельность при ожидании адекватной оплаты труда.

Последние парламентские выборы закрепили и сдвиги в партийно-политической структуре общества: 1) крах коммунистической идеи и, по сути, провал позиций КПУ; 2) снижение поддержки Социалистической партии Украины как результат длительно созревавшего внутривнутрипартийного кризиса (еще с 1997–1998 годов, когда выделились ностальгирующие прокоммунистические и просоциал-демократические (“новая демократия”) крылья в СПУ); 3) “расколдовывание” партий, эксплуатировавших ярлыки социал-демократии; 4) укрепление неоклассического варианта партии консервативно-буржуазного толка (Партия регионов как “партия состоявшихся людей”, по выражению одного из ее лидеров Е. Кушнарера), все еще играющей на посткоммунистической ностальгии; 5) существенное снижение влияния политических сил, озабоченных идеями национально-культурного возрождения; 6) стягивание партийно-политических интересов от полюсов к центру “лево-правой” шкалы.

Вместе с тем названные позитивные структурные и ценностные сдвиги, как это ни парадоксально, обостряют проблему выбора для Украины экономической и социальной политики: как обеспечить в дальнейшем не столько рост отдельных показателей, сколько системное развитие экономики и благосостояния общества? Благодаря углублению принципов либерализма или же новому раунду дирижизма? Упор на государственные инвестиции, сделанный нынешним правительством, без завершения начатых в предыдущие годы системных рыночных преобразований (защиты частной собственности, земельной реформы, укрепления банковско-финансового сектора, рыночных механизмов социальной сферы и др.) способен разбалансировать инвестиционный рынок и в итоге привести к негативному экономическому и социальному результату — что вновь оборачивается риском для развития Украины. Отсюда вновь актуальным становится вопрос: *QUO VADIS, Украина?* И ответы на него будут с определенностью обозначаться уже в ближайшем развитии общества.

Литература

1. Gros D., Steinherr A. Economic Transition in Central and Eastern Europe. Planting the Seeds. — Cambridge, 2004.
2. Межгосударственный статистический комитет СНГ. — <http://www.cisstat.com/rus/index.htm>.
3. Transition Report Update 1999. — L., 1999.

4. Корреспондент. — 2006. — 30 июня. — <http://www.korrespondent.net/main/157567>.
5. Ревенко А. Асимметрии регионального развития // Зеркало недели. — 2006. — № 18 (597). — <http://www.zerkalo-nedeli.com/op/show/597/53333>.
6. Барановский А., Сиденко В. Проблемы собственности и легализации капиталов и доходов в Украине // Зеркало недели. — 2004. — 15 мая. — <http://www.zn.kiev.ua/ie/show/493/46488>.
7. Гуриев С., Мезгинсон У. Уроки приватизации // Beyond Transition. Экономический вестник о вопросах переходной экономики. — 2005. — № 8 (2005). — С.16–18.
8. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. — Cambridge, 1965.
9. Паніна Н. Аномія в посткомуністичному суспільстві // Політичний портрет України. — 1996. — Вип.17.— С. 46–52.
10. Hellman J.S., Geraint J., Kaufman D., Schankerman M. Measuring Governance, Corruption and State Capture. How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economics // World Bank Policy Research. — April. — 2000. — Paper 2312.
11. Паніна Н. Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг. — К., 2005.
12. Doing Business / The World Bank Group, 2006. — <http://www.doingbusiness.org/EconomyRankings>.
13. World Bank, World Development Indicators, 2006. — <http://info.worldbank.org/governance/kkz2004/year report.asp?yearid=1>.
14. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. 2005: Governance Matters IV: Governance Indicators for 1996–2004. — <http://www.transparency.org/cpi/2005/cpi2005.en.html>.
15. Кон М., Хмелько В., Заборовський В. та ін. Соціальна структура і особистість за умов радикальних змін: порівняльний аналіз Польщі й України // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 1–2. — С. 121–137; № 3. — С. 56–74.
16. Макеев С., Куценко О., Оксамитная С. и др. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С.А.Макеева. — К., 2003.
17. Паніна Н. Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг. — К., 2005.
18. Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. Международный симпозиум 16–18 января 2003 г. / Под ред. Т.И.Заславской. — М., 2003.
19. Головаха Є. Головні тенденції розвитку українського суспільства у світлі результатів соціологічного моніторингу 1994–2003 років // Українське суспільство–2003. Соціологічний моніторинг. — К., 2003. — С. 537–543.
20. Бекешкіна І., Кучерів І., Небоженко В. Політичний портрет України / Соціологічна служба центру “Демократичні ініціативи”. Прес-конференція. — К., 1994.
21. Freedom in the World 2006. Selected data from Freedom House’s Annual Global Survey of political Rights and Civil Liberties. Freedom House, 2006. — <http://www.freedomhouse.org/uploads/pdf/Charts2006.pdf>.
22. Шангіна Л. О стране, государстве и гражданах в переходном возрасте // Зеркало недели. — 2006. — № 31 (610). — <http://www.zn.kiev.ua/ie>.
23. Корреспондент. — 2006. — № 36 (25). — <http://www.korrespondent.net>.
24. Гальчинский А. Противоречивый оптимизм: о первых шагах новой власти // День. — 2006. — № 153. — <http://www.day.kiev.ua>.